

Так начинают

У Б. Пастернака есть стихотворение 1921 г.:

*Так начинают. Года в два
От мамки рвутся в тьму мелодий,
Щебечут, свищут, - а слова
Являются о третьем годе –*

Ну и далее по тексту. Заканчивается стихотворение строчкой: «Так начинают жить стихом». Ну, с поэтами, музыкантами, художниками еще более или менее понятно. А вот как с наукой? Как будущих ученых находит их призвание? В особенности, когда они не рождаются в академической среде, не окружены с детства научными разговорами.

Двадцать лет назад А. А. Зализняк рассказал мне одно свое детское воспоминание. Рассказ произвел на меня сильнейшее впечатление, и я все мечтала его записать, чтоб не пропал.

Позже я попросила Андрея Анатольевича рассказать мне то же самое еще раз и, с его разрешения, собираюсь рассказ воспроизвести. <...>

Для меня и многих коллег Зализняк – это живое воплощение лингвистики, так сказать, лингвистика собственной персоной. И если Пастернак *жил стихом*, то о Зализняке можно сказать, что он *живет языком*.

История эта произошла почти 70 лет назад, будущий прославленный лингвист был тогда 11-летним школьником.

Итак, 1946-й год, в Москве голодно. Внезапно объявляются дальние родственники отца нашего героя из Западной Белоруссии. Они приезжают в Москву по каким-то юридическим делам и живут, естественно, у родни, в единственной полуподвальной комнате. В благодарность за приют и помощь они предлагают прислать к ним на лето мальчика – подкормиться и подышать воздухом. Предложение с радостью принимается.

И вот одиннадцатилетний герой уже едет на поезде, один, страшно гордый своей самостоятельностью.

А ехать нужно почти до самого Бреста, немного не доезжая, выйти на небольшой станции и оттуда добраться до городка Пружаны. Сейчас трудно себе представить, что маленького мальчика отпустили в такое путешествие одного, но тогда время было другое и, видимо, выбора у взрослых не было. Ну, так или иначе, поезд подошел к нужной станции. Вот тут-то и произошла сцена, которая, по словам А. А., до сих пор стоит у него перед глазами.

Вот он сходит с поезда, поезд моментально уходит, и мальчик остается на платформе совершенно один. Вечереет, вокруг никого и ничего, только станционное здание, а прямо за ним – врезавшийся в землю немецкий самолет. Одно крыло торчит немного кверху, другое смято. А на здании название станции – латиницей – *Orańcuzyc*.

46 год, у властей руки не дошли заменить надпись на русскую. Какое потрясение это было для московского мальчика – внезапно выпасть в совершенно другую реальность! И началась эта новая реальность с польской надписи.

Тут еще надо заметить, что до этого у юного Зализняка было одно столкновение с лингвистикой. В шестилетнем возрасте он был отчислен из группы детей, изучающих немецкий язык, за отсутствием способностей. Эту историю лингвисты передают из уст в уста – как анекдот.

Однако с надписи Ogańczyse началась новая эпоха в отношениях Зализняка с языками.

Конечно, дело не только и не столько в самой надписи, которая послужила лишь первотолчком. Добравшись до Пружан, он попал в удивительную обстановку: вокруг говорили по-русски, по-украински, по-белорусски и по-польски, притом еще и ходили в разные церкви, да и вообще одновременно существовали разные культурные традиции (должна была бы присутствовать и еврейская составляющая, но она, понятное дело, в 46 году в тех краях слабо прослеживалась).

Самым престижным и «европейским» языком был польский. Да собственно, все польское традиционно имело в русской культуре ореол элитарности. Легко себе представить, какое это удовольствие было для восприимчивого мальчика, к тому же, как оказалось, необыкновенно способного к языкам, - когда вдруг он очень быстро стал осваивать этот так непривычно звучащий (со своими шипящими и носовыми), а все же славянский и потому нетрудный для русского человека язык. Да к тому же обнаружилось, что между разными языками легко можно устанавливать соответствия и таким образом догадываться о значении слов, а то и конструировать слова другого языка. В общем, мир наполнился увлекательными лингвистическими задачками.

Как ясно виден в мальчике, пытающемся разобрать почти стертую польскую надпись на доме, тот, кто полвека спустя точно так же вглядывался в черточки и царапины на царе!

Местная родня была семьей священника одной из церквей, при церкви и жили. Так что советский школьник еще и оказался в совершенно непривычной культурной среде и стал жадно впитывать эту новую для себя культуру. Все церковное страшно ему понравилось. Там же, в Пружанах, он и крестился, для чего нужно было самостоятельно прочесть «Верую». С этим новоиспеченный христианин, к собственной гордости и гордости родни, блестяще справился. Да тут еще и крестная мать – молодая красавица, к тому же взявшаяся учить крестника польскому... В общем, жизнь заиграла всеми красками.

С того лета все и началось. Иначе с чего бы мальчику вдруг пришла в голову фантазия самостоятельно изучать латынь. А потом – взять с собой в пионерский лагерь знаменитый «Англо-русский словарь» В. Мюллера. Будучи самоучкой, Зализняк не знал тогда, как пользоваться словарем. Ну и – читал, как книжку. «Процентов 80 запомнил», - скромно комментирует он этот эпизод. Ну потом прибавились итальянский, испанский. А в 14 лет в его жизни появилась библиотека иностранной литературы на Петровских линиях. Там детям давали на дом книги на иностранных языках. Главное впечатление того времени – «Жизнь Бенвенуто Челлини» по-итальянски. В общем, дальше уже все понятно.

Тут надо добавить, что страсть к языкам, скажем, в 50-е годы выглядела совершенно иначе, чем сейчас. Еще бы, ведь увидеть живого иностранца в те годы было событием редкостным, а поговорить с ним – рискованным приключением. Изучая, скажем, итальянский язык, человек практиковался, беседуя с таким же соотечественником-фанатиком, даже не думая о том, что когда-нибудь можно попасть в Италию. Да в глубине души и не до конца веря, что города с волшебными названиями Флоренция или Падуя реально существуют.

Лингвистика же была чистой игрой в бисер – о ее прикладных аспектах тогда еще не было слышно. Лингвистов было мало, и профессия эта казалась экзотической. Как говорит А. А., что-то вроде специалиста по жизни на Марсе.

А дальше рассказ, в лучших традициях жанра, начинает закольцовываться.

Сначала возвращается польская тема. Уже студентом Зализняк обнаружил свое знание польского языка перед барышнями из польской группы. И тут выяснилось страшное. Его польский, элитарный польский его детства оказался чудовищным, простецким, окраинным польским диалектом! Так что пришлось срочно переучиваться. В этом месте рассказа я изумилась: «Но ведь зато у них-то, у девиц из польской группы, язык был выученным, из книжки, а у Вас натуральным, из жизни!» А вот к этому – был ответ – никогда у него не было почтения: мол, из глубин, живое и неустойчивое, исконное-посконное-домотканое. Наоборот, был вкус ко всему жестко регламентированному, освященному культурной традицией и по возможности для жизни бесполезному.

А в финале снова возникает станция Ogańcysuse. Так вышло, что после Перестройки А. А. Зализняк стал ездить в Европу по несколько раз в год, причем обычно на поезде через Брест. И вот, десятки раз проезжая этот отрезок пути, он каждый раз смотрел в окно, пытаясь углядеть знакомую станцию. Но она мистическим образом не показывалась, хотя станция Оранчицы существует и сейчас. Только надпись там, естественно, кириллицей.

И вот однажды, дожидаясь в Бресте смены колес, А. А. заснул и проснулся, когда поезд уже какое-то время шел. Ну и решил на этот раз не идти в коридор ловить станцию детства. И вдруг – поглядев случайно в окно, увидел, как мимо, как раз со стороны купе, проплывает эта самая станция, только буквы действительно русские и самолета нет.

Оказалось, детское воспоминание немного подвело: неправильно запомнилось, в каком направлении уезжал тогда поезд, оставляя мальчика стоять на пустой платформе перед разбитым самолетом и польской надписью. Картина так ясно стояла перед глазами, что за все годы не пришло в голову усомниться ни в одной детали.

(Из книги «Русский со словарем»)

